

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ВОСПОМИНАНИЕ О КАВКАЗѢ

1837 ГОДА.

I.

—

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ КУБАНЬ. — СОСТАВЪ ОТРЯДА. — ПРОЩАНИЕ. — ВЫСТУПЛЕНИЕ ВЪ ПОХОДЪ. — ПОЧВАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ. — ПЕРВАЯ СТЫЧКА.

Въ Черноморіи, верстахъ въ пятнадцати отъ Кубани, въ станицѣ М. расположена была баттарей, гдѣ я служилъ. Командиръ баттареи былъ старый Кавказскій ветеранъ, капитанъ Ш. Георгіевскій крестъ на груди и голова убѣленная сѣдинами, заставляли уважать заслуги маститаго воина столько же, какъ и прямыя, честныя правила его.

Съ нетерпѣніемъ ждали мы похода за Кубань,

и двадцать-перваго апрѣля, на третій день Пасхи, послѣ молебна, выступили въ путь. Я помню тѣ минуты благоговѣнія, когда священникъ, благословляя насъ, окроплялъ святою водою; когда пѣніе святыхъ гимновъ разносилось торжественно по воздуху, и солнце такъ радостно сіяло, и орлы такъ высоко вились надъ нами!

Помню, какъ на черныхъ лицахъ Кавказскихъ воиновъ, закаленныхъ и солнцемъ востока и огнемъ бивуаковъ, отражалось полное умиленіе Христіанина, и торжественное спокойствіе воина, идущаго на битву!...

Къ вечеру того же дня мы переправились черезъ Кубань по мосту, изъ лашкоутовъ, обороняемому Ольгинскимъ укрѣпленіемъ; тамъ на другомъ берегу расположились мы лагеремъ, куда скоро собрался и весь отрядъ, назначенный для экспедиціи.

Этотъ отрядъ былъ не великъ: три регулярныхъ полка пѣхоты, и, помнится полковъ шесть пѣшихъ Черноморскихъ казаковъ; шестнадцать орудій легкой артиллеріи, восемь горныхъ единороговъ и столько же маленькихъ (когорновыхъ) мортирокъ; такъ что весь отрядъ простирался тысячъ до девяти. Изъ кавалеріи была только сотня линейныхъ казаковъ, составлявшихъ охранную стражу начальника нашего, генералъ-лейтенанта Вельяминова.

До девятаго Мая отрядъ стоялъ лагеремъ, за-

нимаясь ученьями и изрѣдка конвоируя транспорты съѣстныхъ припасовъ, отправляемыхъ въ наши два укрѣпленія, Абинское и Николаевское, построенныя въ горахъ, — первое въ двадцати-пяти, а второе верстахъ въ сорока отъ Кубани.

Наконецъ девятого мая, въ шесть часовъ утра, мы выступили въ экспедицію. Я находился въ арріергардѣ, и потому былъ свидѣтелемъ самыхъ трогательныхъ картинъ прощанія: множество семействъ провожало насъ; женщины и дѣти плакали, благословляли мужей своихъ, отцовъ и братьевъ; благословляли ихъ образами, святою водою, молитвами и горькими слезами! Конечно, многіе изъ нихъ предчувствовали, что это было послѣднее прощаніе ихъ, послѣднія объятія!...

Какой-то сѣдой старикъ поднесъ и ко мнѣ образъ Николая Чудотворца, благословилъ имъ, и далъ приложиться; съ благоговѣніемъ поцѣловалъ я святую икону, и отблагодаривъ добраго старца, пустился въ опасный путь.

Мы не имѣли съ собой повозокъ, кромѣ транспортныхъ, назначенныхъ остаться въ Геленджикѣ, мимо котораго должно было проходить; всѣ же наши припасы помѣщались на вьюкахъ, собраніе которыхъ представляло забавное зрѣлище: навьюченныя лошади, съ привязанными на нихъ крикливыми курами и пѣтухами; огромные верблюды, какъ-будто съ цѣлыми домами на спинахъ; наконецъ даже смиренныя коровы, съ вьюками, достоя-

ніемъ солдатъ и деньшиковъ, потомъ стада разнаго скота для продовольствія отряда, и все это перемѣшивалось, шумѣло, мычало, разбѣгалось въ стороны,—словомъ, безпорядокъ былъ ужасный, пока все не устроилось по правиламъ военной дисциплины.

День выступленія нашего былъ прекрасенъ: небо чисто, солнце въ полномъ блескѣ, и воздухъ напитанъ благовоніемъ. Отрядъ шелъ по широкой степи, гдѣ волновалась густая трава, пестрѣли цвѣты, и радостно порхало множество птицъ и насѣкомыхъ.

Мы взяли направленіе прямо къ Абинскому укрѣпленію; но на половинѣ пути свернули налѣво, обогнули густой лѣсъ, обитаемый воинственнымъ племенемъ Шапсуговъ, которые всегда нападаютъ на наши отряды, проходящіе мимо, и пошли вдоль лѣса къ горамъ.

Прекрасное зрѣлище представили намъ Кавказскія горы! Высоко возносились онѣ къ небесамъ, и длиннымъ поясомъ рисовались на горизонтѣ; а далѣе, въ блѣдной перспективѣ, едва замѣтно отѣнялись какъ будто розовою тѣнью ледяные великаны! Мы любовались и шли впередъ. На этотъ разъ, кажется, Шапсуги обманулись въ предположеніи своемъ, ожидая насъ, какъ всегда, съ другой стороны лѣса: ни одного выстрѣла не было изъ лѣсу, и только смѣшанный шумъ отряда глухо отдавался въ немъ.

Уже смеркалось; мы были жестоко утомлены и голодомъ и зноемъ, и съ величайшимъ удовольствіемъ получили наконецъ приказаніе занять показанныя позиціи для ночлега. Но едва бивуакъ раскинулся по долину, и запылали огромные костры, какъ получено приказаніе быть тотчасъ готовымъ къ выступленію, двумъ баталіонамъ пѣхоты и четыремъ орудіямъ артиллеріи.

Нашъ сборъ не долговъ; черезъ четверть часа небольшой отрядъ былъ уже въ походѣ, но мы не знали куда идемъ; командовалъ нами полковникъ А. Было ужасно темно; майскія ночи востока не схожи съ нашими, сѣверными. Отрядъ шелъ скоро, но съ величайшею осторожностью; велѣно было сохранять совершенную тишину. Этотъ мракъ, эта скрытность, заставляли ожидать чего-то необыкновеннаго; глубокая тишина въ отрядѣ и вокругъ, придавала нашему походу какой-то таинственный характеръ. Наконецъ мы увидѣли, что подвигаемся къ лѣсу, мимо котораго шли днемъ; впереди насъ ѣхали проводникъ Черкесъ съ двумя ливейными казаками и начальникомъ отряда. Чѣмъ ближе мы подходили къ лѣсу, тѣмъ были осторожнѣе, и тѣмъ шли тише. Вдругъ далеко въ лѣсу раздался лай собакъ; это было признакомъ близкаго жилья, и теперь мы ежеминутно ожидали нападенія непріятеля. Впереди шло два взвода стрѣлковъ и два орудія; и

все это молча, тихо; но тутъ мы какъ-то наткнулись на стадо скота, который пасся у опушки лѣса; въ темнотѣ мы его не замѣтили. Испуганныя животныя разсыпались во всѣ стороны, кинулись въ середину нашей колонны, между орудій, и произвели не надолго большой безпорядокъ въ отрядѣ.

Едва мы подошли въ опушкѣ лѣса, и готовились занять ее, какъ вдругъ раздались выстрѣлы, засвистѣли пули, и пронзительные «гики» разнеслись по густому лѣсу, повторяясь во всѣхъ направленіяхъ.

Съ крикомъ «ура!» стрѣлки бросились въ лѣсъ и разсыпавшись по опушкѣ, заняли ее.

Тутъ все замолкло; непріятель не осмѣлился нападать, не зная силъ нашихъ; а мы подвинулись впередъ по дорогѣ къ рѣкѣ, черезъ которую нужно было сдѣлать мостъ для переправы на другой день утромъ главнаго отряда, что и было цѣлью нашего ночнаго похода. Мы стояли спокойно; а едва забрежжилась заря, рота саперовъ занялась работою, и скоро переправа была совершена.

Разсвѣло, а непріятель не покушался атаковать насъ; изрѣдка только, кое-гдѣ, дробился выстрѣлъ, и потомъ эхо снова умолкало, укрываясь вмѣстѣ съ горцами въ чашѣ густаго лѣса.

Между-тѣмъ, съ разсвѣтомъ, главный отрядъ

снялся съ бивуака, и пошелъ для соединенія съ нами.

Тутъ надобно замѣтить особенность порядка, въ которомъ войска обыкновенно двигаются и сражаются на Кавказѣ: небольшой авангардъ (обыкновенно баталіонъ пѣхоты и два орудія артиллеріи) впереди; за нимъ въ извѣстномъ разстояніи, то есть, на ружейный выстрѣлъ, идетъ главная колонна; потомъ обозъ или выюки, и наконецъ аріергардъ, состоящій также изъ баталіона пѣхоты и двухъ орудій артиллеріи; все это окружается четырьмя густыми цѣпами стрѣлковъ, переднею, заднею и двумя боковыми; онѣ подкрѣпляются резервами, идущими возлѣ нихъ, и каждая цѣпь отстоитъ отъ главной колонны на полтора ружейныхъ выстрѣла.

Въ такомъ порядкѣ отрядъ всегда двигается между горъ; и если, (какъ это почти всегда случается), ущелье такъ узко, что боковыя цѣпи стрѣлковъ, идя по краямъ его, сближаются съ колонною менѣе чѣмъ на полтора ружейныхъ выстрѣла, тогда онѣ занимаютъ ближайшія горы, чтобы непріятель съ нихъ не могъ вредить колоннѣ своими выстрѣлами. Для усиленія цѣпей придаются имъ трехъ-фунтовые единороги и маленькія мортирки, а иногда и легкія орудія, если мѣстность позволяетъ.

Въ такомъ-то порядкѣ и теперь отрядъ дви-

гался къ лѣсу. Множество Черкесовъ верхами гарцовало вокругъ; но дѣло не завязывалось, потому, что горцы не охотники мѣяться съ нами ва открытомъ мѣстѣ; горы и овраги — вотъ стихіи для храбрости ихъ; тамъ они имѣютъ все преимущество надъ нами въ знаніи мѣстности и въ своемъ умѣннѣ пользоваться ею.

Скоро однако же колонна начала подходить къ лѣсу, уже занятому нами наканунѣ, и едва авангардъ приблизился къ нему, какъ сильныя залпы изъ множества ружей дружно встрѣтили его. Надо было выдвинуть отрядъ артиллеріи, и послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ, засверкала нашъ штыкъ, грянуло «ура!» и лѣсъ былъ занятъ вторично.

По мѣрѣ того, какъ отрядъ подвигался, перестрѣлка усиливалась и скоро сдѣлалась общою въ лѣвой цѣпи и въ арріергардѣ. Ружейныя выстрѣлы дробились по лѣсу, картечь сыпалась, ядра гудѣли, деревья съ трескомъ валялись, и непрерывное «ура!» смѣшивалось съ пронзительными гиками Черкесовъ, безпрестанно отвсюду бросающихся въ шашки!

Пять часовъ сряду огонь не прекращался; едва онъ утихалъ въ одномъ мѣстѣ, какъ усиливался въ другомъ. Пять часовъ мы проходили лѣсъ, наполненный аулами, которые Черкесы защищали отчаянно.

Между тѣмъ зной и дальній переходъ утомили людей, и потому мы сдѣлали небольшой привалъ, послѣ котораго отрядъ двинулся къ Абинскому укрѣпленію, куда мы пришли уже поздно вечеромъ, и расположились бивуакомъ.

II.

АБИНСКОЕ УКРѢПЛЕНІЕ.—ПЕРЕХОДЪ ДО УКРѢПЛЕНІЯ НИКОЛАЕВСКАГО.—
ПОХОДЪ ВЪ ГЕЛЕНДЖИКЪ. — БИВУАКЪ У ГОРЫ НИКО.—ВИДЪ ЧЕРНАГО
МОРЯ. — АЛЕКСАНДРІЯ. — ГЕЛЕНДЖИКЪ.

Абинское укрѣпленіе стоитъ у входа въ горы, на рѣчкѣ Абинѣ. Это одно изъ значительнѣйшихъ, построенныхъ нами въ непріятельской странѣ Кавказа.

Высокіе земляные брустверы, увѣнчанные турами, промежутки которыхъ образуютъ бойницы, глубокіе рвы вокругъ, и фасы, хорошо обороненные крѣпостною артиллеріею, стоящею на барбетахъ и въ амбразурахъ, дѣлаютъ это укрѣпленіе неодолимымъ для горцевъ, не имѣющихъ здѣсь артиллеріи, и незнакомыхъ съ нашими правилами военного искусства.

Быстрая рѣка Абинъ, протекающая возлѣ самой крѣпости, снабжаетъ гарнизонъ вкусною и здоровою водою. Вокругъ, на небольшомъ пространствѣ, разведены огороды, доставляющіе необходимую зелень гарнизону, который не можетъ

безопасно удаляться отъ крѣпости далѣе полуверсты; впрочемъ, эти хозяйственныя заведенія очень не велики. Гарнизонъ состоитъ изъ одного баталіона пѣхоты, имѣющаго здѣсь постоянное пребываніе. Казармы для гарнизона деревянныя, удобныя для помѣщенія.

Эта осѣдлость показалась намъ скучною. Въ продолженіи цѣлаго года, изрѣдка только гарнизонъ видится со своими, Русскими, когда отрядъ проходитъ мимо, въ экспедицію, или приводитъ подъ своимъ конвоемъ транспортъ со съѣстными припасами для войскъ укрѣпленія. Но тамошній гарнизонъ привыкъ къ уединенію своему столько же, какъ и къ непріятелю, непрерывно окружающему крѣпостные валы.

Здѣсь вблизи мы видѣли нѣсколько колодцевъ черной нефти; а потому можно думать, что между многими предполагаемыми богатствами Кавказскихъ горъ, есть и каменный уголь.

Оставя раненыхъ въ госпиталѣ укрѣпленія, на другой день рано утромъ, весь отрядъ двинулся далѣе въ горы, къ другому нашему укрѣпленію, Николаевскому. Узкое ущелье и частыя нападенія непріятеля на лѣвую цѣпь нашу, принуждали занимать стрѣлками всѣ близь-лежащія боковыя горы. Справа онѣ высоки и зелены; обрывы ихъ круты и каменисты: па отлогости же раскинулась серебряною лентою дорога, проложенная нашими войсками для удобства движенія. Эта дорога,

пролегалъ по известковому грунту, блеститъ на солнцѣ, и опушаясь зеленью, придаетъ чрезвычайно красивый видъ горѣ, по которой теперь тянулась цѣпь стрѣлковъ и тихо двигались орудія, отзываясь изрѣдка громкими выстрѣлами. Слѣва высилась цѣпь горъ съ лѣсистыми вершинами и съ пологостями свѣтлой зелени, гдѣ сверкали штыки и блестѣли орудія. Горцы часто изъ засадъ встрѣчали насъ мѣткимъ ружейнымъ огнемъ, и бросались въ шашки; но штыки и картечь давали всегда перевѣсъ нашей силѣ, и къ вечеру отрядъ остановился на площадкѣ въ ущельѣ, возлѣ небольшого укрѣпленія Николаевского.

Это укрѣпленіе еще менѣе Абинскаго; здѣсь всего двѣ роты гарнизона, а вокругъ враги еще болѣе хищные, также изъ племени Шапсуговъ. Построено оно какъ и первое, и подобно ему обстрѣливается артиллеріею.

Двѣнадцатаго Мая отрядъ двинулся далѣе къ Черному Морю, куда надо было достигнуть черезъ высокій хребетъ горы Нако. Здѣсь природа была прекрасна, величественна. Смотрите на эти горы: одна выше другой, одна великолѣпнѣе другой, и какъ разнообразны!... Вотъ самая высокая, съ открытымъ, яснымъ челомъ, съ важною осанкой; она царствуетъ надъ всѣми; она какъ будто ближе всѣхъ къ прекраснѣйшему небу,

какъ будто радуется, весело красуясь въ своей роскошной, свѣтло зеленой одеждѣ. Вотъ другая... какъ мраченъ ея видъ! Она покрыта густымъ лѣсомъ ветхихъ дубовъ, и какъ бы пробуждаясь иногда отъ дремоты, лѣниво колышетъ своими зелеными кудрями. Это вѣчная, тайная дума на мрачномъ челѣ!.. А это длинное ущелье? Съ одной стороны крутой обрывъ, гдѣ картинно извиваются выдавшіеся корни деревьевъ, растущихъ на горѣ, и дико чернѣютъ камни. Съ другой, высится отлогая гора; на ней, то темно-зеленыя купы деревьевъ, то свѣтлѣющія нѣжной зеленью красивыя поляны! Внизу ущелья шумно бѣжитъ по камнямъ быстрая рѣчка..

Бивуакъ нашъ у подошвы горы Нако былъ прекрасенъ. Солнце уже закатывалось и скоро однѣ лишь самыя высокія вершины горъ были освѣщены его лучомъ.

Онѣ горѣли золотомъ, какъ бы святыя кресты на храмахъ, воздвигнутыхъ рукою Всевышняго въ странѣ, гдѣ во мракѣ ущелій гнѣздится язычество, съ варварствомъ!.. Скоро потухло это величественное сіяніе, и глубокая тѣнь, раскинувшись по горамъ, мракомъ спустилась въ ущелья, и какою-то грустью залегла въ душу. Тогда на небѣ замерцали звѣзды, и явилась новая, таинственная картина.

На площадкѣ, гдѣ раскинулся нашъ бивуакъ,

разбросаны были роскошныя дубовыя рощи, въ тѣни которыхъ образовались разнообразныя группы усталыхъ воиновъ. Когда смерклось, разлились зарева костровъ, и темныя, высокія горы, занятыя нашими войсками, освѣтились огнями въ нѣсколько ярусовъ! Пламя придавало зелени ихъ прекрасный цвѣтъ; ярко печатлѣлись красивыя купы деревьевъ на мрачныхъ горахъ, рѣзко рисовавшихся на небѣ, ясномъ и величественномъ.

Смѣшанный, однообразный гулъ носился надъ станомъ нашимъ, вмѣстѣ со столбами густаго дыма, вмѣтѣ съ милліонами искръ. Изрѣдка только трескъ сваливагося, подрубленнаго дерева, и громкій хохотъ весельчаковъ солдатовъ, мгновенно раздавался, и умиралъ въ общемъ гулѣ! На высотѣ одной изъ горъ была поставлена зарева ракетъ, и когда настала урочная часть, высоко взвилась она, яркимъ огненнымъ столбомъ блеснула на черной горѣ, погасла, и стало еще мрачнѣе! Пушечный выстрѣлъ загрохоталъ, эхо отозвалось ему въ далекихъ ущельяхъ и смолкло. Огни погасли, пѣсни затихли, и только кое-гдѣ по горамъ высоко мелькали молніи ружейныхъ выстрѣловъ.

На утро, съ зарею мы выступили въ дальнѣйшій путь. Отрядъ сталъ подниматься на гору Нако, по узкой, неудобной дорогѣ. Цѣпи стрѣлковъ занимали боковыя крутыя горы, на которыя они должны были непрерывно взбираться,

чтобы спустившись съ нихъ, подниматься на другія.

Гора, на которую всходила главная колонна, высилась надъ бездною, гдѣ глубоко шумѣлъ ручей, пѣнясь каскадами, и подмывая ветхіе, нависшіе надъ нимъ дубы; съ боковъ съ шумомъ валились камни, и зацѣпляясь за деревья, вырывали ихъ и увлекали въ бездну. Огромные корни, изсохшіе пни и обгорѣлые, раздробленные дубы, перемѣшавшись грудами, придавали дикій видъ глубоко-му ущелью, надъ которымъ по узкой тропинкѣ тянулся нашъ отрядъ.

Наконецъ мы выбрались на прекрасную дорогу, продѣланную нашими войсками вдоль покатости горы; подвнялись по ней высоко, и вдругъ передъ нами развернулось Черное Море. Далеко синѣло оно, а еще дальше блестящею полосой сливалось съ яснымъ небомъ. По зеркалу его солнце роскошно сыпало золотые лучи свои!..., Тутъ не было конца: и взоръ и мысль терялись въ безпредѣльности, исчезавшей въ какомъ-то необычайномъ свѣтѣ и моря и неба...

Отважно надъ моремъ высились крутыя горы, отражая каменною бронею набѣги его волнъ; отважно неслись надъ пучиной окриленные корабли и глубоко бороздили взволнованную поверхность моря. То были Русскіе корабли, и Русскій же штыкъ грозно сверкалъ теперь на вершинахъ

горъ , опоясывавшихъ восточный берегъ Чернаго моря.

Съ этой стороны море чаровало душу; съ другой, не менѣе прекрасны были горы: широкимъ амфитеатромъ разнообразно высились онѣ , красуясь другъ передъ другомъ! И тутъ было какъ-бы море, на которомъ горы казались громадными волнами! Удаляясь постепенно, онѣ терялись въ свѣтло-розовой дали, едва рисуясь на очаровательной синевѣ неба. А вблизи, внизу, чернѣли глубокія ущелья и шумѣли мрачныя дебри!...

Отдохнувъ на горѣ, отрядъ сталъ спускаться къ морю. Лѣвая сторона дороги составляла каменную стену, вышиною сажени въ полторы. Этотъ камень — глинистый шиферъ: онъ принадлежитъ къ второзданнымъ породамъ, и расположенъ правильными наклонными слоями; поверхность его прикрыта землею, не болѣе какъ на одинъ футъ. Таково образованіе этой западной отрасли хребта Кавказскихъ Горъ.

Такимъ образомъ скрытая, на нѣкоторую глубину, покатость горы Нако образовала прекрасную дорогу , какъ-бы природное шоссе, имѣющее съ одной стороны стѣною самую гору, а съ другой камни, сложенные также въ видѣ стѣны, вышиною фута въ два съ половиною и толщиною въ три.

Изъ нашего укрѣпленія Александріи, построен-

№ 265.

наго подъ горою на берегу Чернаго-Моря, куда мы теперь спускались, часто видаютъ Горцевъ, приходящихъ толпами дивиться этой горѣ.

Три четверти часа спускались мы къ укрѣпленію Александріи.

Черное Море величественно изъ-дали, и великолѣпно здѣсь вблизи: поверхность его прекраснаго синяго цвѣта, съ легкимъ зеленымъ отливомъ; отъ берега на нѣсколько сажень вдаль, при блескѣ солнца, разливаются и играютъ въ водѣ всѣ яркіе цвѣта радуги. Когда же легкій вѣтерокъ бороздитъ поверхность ея, то мелкія, разноцвѣтныя волны покрываютъ море ослѣпительнымъ бриллиантовымъ блескомъ.

Игра цвѣтовъ на поверхности воды у берега происходитъ, вѣроятно, отъ того, что дно моря, виднѣющееся сквозь прозрачную воду, усѣяно на нѣкоторое разстояніе небольшими разноцвѣтными камнями, изъ которыхъ иные поросли зеленою, — (что согласно и съ объясненіемъ Араго о различномъ цвѣтѣ морской воды).

Едва отрядъ остановился для отдыха, какъ уже множество охотниковъ купалось въ морѣ, освѣжая усталые члены.

Еще при спускѣ съ горы виднѣлось у самаго моря укрѣпленіе наше — Александрія; теперь мы расположились бивуакомъ возлѣ него.

Это одно изъ самыхъ малыхъ укрѣпленій на-

шихъ на берегу Чернаго Моря; въ немъ гарнизонъ состоитъ изъ роты пѣхоты и нѣсколькихъ пѣхотныхъ орудій. Открытая мѣстность вокругъ, на разстояніи двухъ верстъ, обезпечиваетъ гарнизонъ отъ нечаянныхъ, скрытныхъ нападеній Горцевъ. И здѣсь вокругъ крѣпости виднѣются мирные труды жильцовъ ея, слѣды осѣдлости,—разведены небольшіе огороды. Мелкая рѣчка, текущая возлѣ крѣпости, досталаетъ ей здоровую воду.

Александринская бухта чрезвычайно обширна, вдается широкимъ оваломъ въ берегъ; но не довольно защищена со стороны моря. Укрѣпленіе построено на лѣвой сторонѣ ея.

Хотя климатъ у Чернаго моря вообще хорошъ, но и къ нему надо привыкнуть и беречься, потому что временно, то есть осенью, здѣсь свирѣпствуютъ желчныя, истребительныя лихорадки.

При переходѣ нашемъ отъ послѣдняго бивуака за горою Нако до укрѣпленія Александринскаго, потеря наша раненымъ и убитыми была очень незначительна; потому что на этой дорогѣ вовсе нѣтъ ауловъ, которые обыкновенно защищаются Горцами съ большимъ упорствомъ; притомъ же этотъ путь уже очень знакомъ нашимъ войскамъ.

Дорога отъ Александріи до Геленджика лежитъ между двухъ хребтовъ горъ; одинъ изъ нихъ тянется вдоль по самому берегу, заслоня море отъ

вѣсною стѣной; изрѣдка раздвинувшись, онъ позволяетъ взглянуть на раздольное море, которое тутъ выказывается чудною картиной въ рамѣ горъ и неба!

По лѣвую сторону высится другой хребетъ. Отъ Александріи онъ начинаетъ расти и противъ Геленджика высота его весьма значительна, такъ что часто вершины скрываются въ облакахъ. Эти высокія голыя горы, куда упирается взоръ, составляютъ чудную противоположность съ безграничною гладью моря!

Осемнадцать верстъ, отдѣляющія Александрію отъ Геленджика, мы прошли въ вѣскольکو часовъ и, четырнадцатаго Мая, въ полдень были уже на мѣстѣ.

Крѣпость Геленджикъ есть складочное мѣсто провіанта и военныхъ припасовъ, какъ для отряда, дѣлающаго экспедиціи, такъ и для друиыхъ укрѣпленій построенныхъ на берегу моря.

Обширная бухта, далеко влающая въ берегъ, и замкнутая въ морѣ двумя высокими мысами, дающими ей очертаніе лиры, глубока и безопасна отъ сильныхъ бурь, часто волнующихъ Черное море; потому-то эта бухта любима моряками и посѣщаемы ими столько же, какъ и купеческими судами, доставляющими гарнизону все нужное для жизни, а иногда и для роскоши. Эти посѣщенія оживляютъ общество отчужденныхъ жителей крѣпости.

Въ самомъ укрѣпленіи, кромѣ казармъ, комендантскаго дома, и нѣсколькихъ лавокъ съ товарами, есть нѣчто въ родѣ запаснаго Адмиралтейства, гдѣ хранятся канаты, снасти, паруса, и другія потребности флота. Укрѣпленіе построено на лѣвой сторонѣ бухты (смотря съ берега); на берегу видна дѣятельность небольшого приморскаго города.

Здѣсь вы встрѣтите и Русскаго и Турка, и Армянина и Италіянца; сюда пріѣзжаютъ они торговать и запасаться чистою, прохладною водою, изъ ключей вокругъ крѣпости, и здѣсь же часто ищутъ спасенія отъ ужасныхъ бурь на Черномъ морѣ.

Кругомъ Геленджика разведены большіе огороды, красуются веселыя рощи съ маленькими садами, пасутся стада, и все какъ-то заставляетъ забывать, что живешь въ странѣ непріятельской; только вечеромъ, когда поднимается мостъ, на цѣпяхъ перекинутый черезъ ровъ, запрутся ворота, и удвоится стража, вспомнишь, что здѣсь безопасность и удобства мирной жизни покупаются цѣною бдительной осторожности.

Среди громадныхъ горъ съ одной стороны, и въ виду безпредѣльнаго моря съ другой, Геленджикъ кажется крошечнымъ гнѣздомъ муравьевъ, толкущихся у берега моря. Дивишься, какъ бурныя волны не зальютъ его? Какъ буйные вѣтры горъ не сбросятъ его въ море! Силенъ человекъ и среди могучей природы!

III.

ПОХОДЪ. — РЕМОНТИРОВКА. — ЗАНЯТИЕ НОВАГО МѢСТА НА БЕРЕГУ ЧЕРНАГО МОРЯ. — КАРТИНЫ ПРИРОДЫ. — ХАРАКТЕРЪ ВОЙНЫ. — ГОРЦЫ. — ЗАЛОЖЕНІЕ УКРѢПЛЕНІЯ. — ФУРАЖИРОВКА. — ВЫСАДКА. — БИВУАЧНАЯ ЖИЗНЬ.

Запасшись провіантомъ и зарядами, отрядъ выступилъ на другой день утромъ, въ дальнѣйшій походъ.

Теперь предполагалось занять и укрѣпить новое удобное мѣсто на берегу моря, у рѣчки Пшады.

Берегомъ моря, какъ я выше говорилъ, по причинѣ глубокихъ обрывовъ, отряду нельзя идти, и потому должно было углубиться въ горы, и пробраться къ морю черезъ высокій хребетъ; мѣста, по которымъ намъ должно было проходить теперь, никому еще не были знакомы и потому, не полагаясь на проводника Черкеса, генералъ Вельяминовъ, для предосторожности, пошелъ самъ съ небольшимъ отрядомъ впередъ, осмотрѣть дорогу, и узнать, можетъ ли артиллерія пройти черезъ хребетъ горъ? Прочія войска остались бивуакировать на небольшой площадкѣ въ ущельѣ, верстахъ въ двѣнадцати за Геленджикомъ. Горцы, собираясь часто на вершинахъ горъ, оставались пока спокойными зрителями нашего бивуака, который былъ для нихъ еще новъ, но скоро и они ознакомились съ нимъ покороче.

Черезъ сутки, послѣ небольшихъ стычекъ съ непріателемъ, Генералъ Вельяминовъ возвратился

изъ своей рекогносцировки , и какъ дорога для движенія артиллеріи оказалась неудобною , то большая часть орудій была отправлена обратно въ Геленджикъ , для доставленія моремъ къ мѣсту , которое предполагалось занять.

Двадцатаго Мая весь отрядъ выступилъ въ дальнѣйшій путь.

Тутъ Горцы стали почти непрерывно провожать насъ внезапными нападеніями. Искусно пользуясь мѣстностью , вовсе намъ незнакомою , они часто изъ засадъ встрѣчали насъ мѣткими залпами ружейнаго огня , или бросались съ шашками въ рукахъ на цѣпи стрѣлковъ , съ величайшимъ трудомъ взбравшихся на горы. Мѣстность часто не позволяла дѣйствовать артиллеріи , которая здѣсь есть лучшее средство для отраженія дерзкихъ нападеній Горцевъ. Но потеря наша была незначительна , когда мы уже добрались до высокой горы Вуордови , черезъ которую должно было переправиться. Позднее время дня и потребность отдыха , заставили насъ остановиться здѣсь на ночлегъ.

Съ разсвѣтомъ другаго дня отправленъ былъ небольшой отрядъ , подъ командою артиллеріи полковника Б — ра , для разработки дороги , по которой бы можно было подняться на гору. Знаніе дѣла и распорядительность храбраго полковника увѣнчались полнымъ успѣхомъ , несмотря на сильное сопротивленіе Горцевъ , собравшихся уже въ

большомъ числѣ для защиты своихъ ауловъ , во множествѣ разсѣянныхъ по ущелью за горой.

Часовъ въ восемь утра и главный отрядъ нашъ двинулся впередъ.

До сихъ поръ намъ не встрѣчались еще такія дикія и вмѣстѣ прекрасныя мѣста. Здѣсь рука человѣка не прикасалась еще къ тому, что такъ дивно устроила сама природа. Здѣсь природа не игрива, но могущественна , угрюма и величава. Высокія горы или опоясывались густымъ лѣсомъ , или упирались крутыми скалами въ ущелье , гдѣ шумѣли быстрые горные ручьи, стремясь то подъ сводами огромныхъ камней, поросшихъ мхомъ, то подмывая мохнатые корни дубовъ. Мѣстами громоздились обломки скалъ, деревья , раздробленныя молніей , и чернѣли обгорѣлые пни. Иногда на полянѣ встрѣчался густой лавръ, и взоръ покоился на его роскошной зелени. То пышною гирляндю вилась эта зелень вокругъ молодаго стебля своего , то возвышалась стройною , высокою колонной , а подлѣ изсыхалъ свалившійся отъ дряхлости вѣковой дубъ , и по немъ игриво вилась молодой зеленый плющъ. Двѣ картины природы являлись здѣсь: картина разрушенія или смерти, и картина полной, сильной, разившейся жизни. Горы высились разнообразно и дико ; часто онѣ сдвигались, и мы шли между двухъ крутыхъ, высо-

кихъ стѣнъ, надъ которыми взвивались нагорныя птицы, плавали облака, или проглядывала голубая узкая полоса неба. Изъ густыхъ рощъ иногда показывались аулы, и на небольшихъ полянахъ встрѣчались довольно красивые памятники Горцевъ: крашенные, деревянные навѣсы на четырехъ столбахъ, съ рѣзбою и рѣшетками.

Иногда попадались намъ какіе-то древніе памятники изъ сѣраго камня, съ изображеніями, которыхъ нельзя было разобрать: такъ онѣ очернѣли и заросли мхомъ;—это были фигуры то въ родѣ полу-разрушенныхъ сфинксовъ, то похожіе на каменныхъ истукановъ, такъ часто встрѣчающихся въ степяхъ южныхъ областей Россіи; иногда же встрѣчались гроты, сложенные изъ огромныхъ камней; но все это ужасно ветхо, все покрыто мхомъ, изъ подъ котораго проглядываютъ вѣка старины. Быть можетъ это памятники Грековъ или Римлянъ, которымъ Кавказъ съ его Желѣзными Воротами когда-то былъ очень знакомъ.

Спустившись съ крутой горы въ узкое ущелье, отрядъ остановился ночевать. Горы тотъ-часъ были заняты войсками, а вдоль ущелій направлены орудія артиллеріи.

По этой дорогѣ мы видѣли немного ауловъ и немного обработанныхъ полей; потому что площадки въ ущельяхъ были очень малы, а покато-

сти горъ или закрывались густымъ лѣсомъ , или подымались слишкомъ круто, не представляя возможности обрабатывать ихъ даже заступами или кирками , которыя употребляются Черкесами на горахъ , вмѣсто сохи и плуга. Иногда на зеленыхъ пологостяхъ высокихъ безлѣсныхъ горъ, виднѣлись спасавшіяся отъ насъ жены Черкесовъ, дѣти и стада; но все это было такъ далеко, что не приманивало насъ. Двадцать третьяго Мая, послѣ жаркихъ стычекъ съ непріятелемъ, мы заняли мѣсто у моря, при впаденіи въ него рѣчки Пшады.

Мѣстоположеніе Пшадскаго ущелья очаровательно. Трудно описывать его : можно сказать только вмѣстѣ съ поэтомъ:

«Вблизи гора,
Вдали гора,
И за горой
Гора съ горой!»

Все это только горы, ущелья, рощи и рѣчки; но это однообразіе въ предметахъ , очаровательно разнообразится въ природѣ! Здѣсь всѣ ущелья и отлогости горъ обработанны и засѣяны ячменемъ, пшеницей и кукурузой. По обширнымъ засѣвамъ можно было судить о большомъ населеніи этихъ мѣстъ, и упорное сопротивленіе Горцевъ при занятіи ущелья, убѣдило насъ въ томъ. Одна изъ самыхъ высокихъ и крутыхъ горъ, въ Пшадскомъ ущельѣ, была сильно обороняема толпою Горцевъ,

которые собравшись на пей вредили намъ мѣткимъ ружейнымъ огнемъ. Надо было взять эту гору приступомъ. Генералъ Вельяминовъ приказалъ выдвинуть впередъ нѣсколько орудій артиллеріи и когда мѣткіе выстрѣлы ея разсѣяли неприятеля, баталіонъ Навагинскаго полка, подъ командою начальника П — на, съ крикомъ «ура!» бросился на штурмъ горы. Ужасная крутизна и высота ея чрезвычайно затрудняли пѣхоту, а Горцы, собравшись опять на вершинѣ и прикрываясь лѣсомъ, наносили штурмующимъ сильное пораженіе. Несмотря на это, баталіонъ мужественно слѣдовалъ примѣру своего храбраго начальника, и скоро на вершинѣ засверкали штыки, и раздалось громкое «ура!» Штыками Горцы были выбиты изъ лѣсу на вершинѣ горы, и отрядъ остановился отдыхать. Гора же, въ честь славнаго штурма, названа по имени полка «Навагинскою Горою».

Нельзя было не радоваться смотря на мѣстоположеніе, которое мы заняли! Это была прелестная картина для кисти живописца: здѣсь опять долина, опять съ трехъ сторонъ ея высокія горы, съ четвертой море, а въ самой долинѣ быстрая рѣка, густыя рощи, изъ которыхъ выглядывали аулы, подъ навѣсомъ виноградныхъ лозъ и роскошной тѣни дубовъ и буковъ, увитыхъ плющомъ.

Надо сознаться, что Черкесы умѣютъ выбирать мѣста для своихъ жилищъ; это всегда или кра-

сивѣйшія долины, или самыя дикіе лѣса. И то и другое имѣетъ свою прелесть.

Стоило взглянуть на долину съ вершины одной изъ горъ: зеленые шалаши, бѣлыя палатки, толпы людей, лошадей, и рѣзвая стада живописно пестрили ее! На ней кипѣла жизнь, вблизи ея волновалось море, дыша какою-то таинственною, своею жизнію; вокругъ же стояли безмолвныя, громадныя горы!...

На дргой день разбивался уже лагерь, и скоро выстроились стройные ряды палатокъ. Окружныя горы были заняты войсками, для безопасности отъ непрерывныхъ нападеній Черкесовъ, которые и днемъ и ночью подкрадывались къ намъ, тревожа ружейными, а иногда и фальконетными выстрѣлами.

Надо замѣтить, что у Горцевъ вообще ружья—винтовки, которыя бьютъ чрезвычайно далеко и такъ мѣтко, что на разстояніи, гдѣ выстрѣлы нашихъ ружей уже недѣйствительны, — винтовки Горцевъ наносятъ еще сильный вредъ; огонь ихъ бываетъ убійственъ, когда Горцы, засѣвъ въ закрытомъ мѣстѣ, стрѣляютъ положивъ ружья свои на такъ-называемыя подсохи; но при отступленіи выстрѣлы ихъ также не вѣрны, и потому тутъ они часто замѣняютъ ихъ шашками, которыми дерутся отчаянно.

Горецъ не сдается въ плѣнъ пока живъ, а тѣло убитаго всегда обороняютъ товарищи; но съ

Русскимъ штыкомъ не такъ легко справиться, и потому тѣла Черкесовъ нерѣдко попадаютъ къ намъ въ руки, и тогда, по окончаніи дѣла, являются обыкновенно нѣсколько человекъ парламентаровъ отъ Горцевъ, выкупать тѣла своихъ убитыхъ товарищей, предлагая за нихъ или нашихъ плѣнныхъ или нѣсколько штукъ рогатаго скота... Впрочемъ, кажется, не одно это благородное чувство причиною такого попеченія; вотъ что еще намъ рассказывали: Горецъ идетъ на войну съ товарищемъ; они взаимно клянутся защищать другъ друга, до послѣдней минуты жизни, и тогда, ежели одинъ изъ нихъ будетъ убитъ, другой доставитъ тѣло непременно, или хоть голову убитого къ его роднѣ, какъ доказательство, что онъ точно погибъ; въ противномъ случаѣ оставшійся въ живыхъ обязанъ взять на себя пропитаніе семейства убитого товарища. Такъ говорятъ, не знаю правда ли? Впрочемъ, у каждаго племени Горцевъ свои обычаи.

Трудна горная война на Кавказѣ; кромѣ-того, что войска во время переходовъ должны непрерывно взбираться на ужасныя крутизны горъ, непрерывно спускаться съ нихъ, они должны въ то же время обороняться отъ непріятеля, атакующаго отовсюду, и который между-тѣмъ бываетъ часто вовсе невидимъ. Слышишь непрерывный свистъ пуль, видишь убитыхъ и раненыхъ, бросаешься въ одну сторону, думая найти тамъ непріятеля и

вдругъ онъ поражаетъ тебя совершенно съ противной стороны! Такова здѣсь мѣстность! Не надобно думать также, что тутъ, какъ въ Европейской войнѣ, мѣста, черезъ которыя мы разъ прошли, принадлежать уже намъ; совсѣмъ нѣтъ: только то наше, гдѣ блещетъ нашъ штыкъ; но едва мы сошли съ мѣста, какъ оно опять уже собственность непріятеля, окружающаго насъ всегда и отовсюду! Точно то же и въ мѣстахъ, занимаемыхъ нашими укрѣпленіями; клочокъ земли между валовъ, — нашъ; но горе тому, кто вздумаетъ выйти изъ укрѣпленія одинъ, или съ малымъ числомъ товарищей: не напѣвы горныхъ птицъ будутъ привѣтствовать его въ этой чудной природѣ, но свистъ горскихъ пуль! Черкесы всегда окружаютъ укрѣпленія наши, скрываясь въ ближайшихъ рошахъ, оврагахъ и ущельяхъ, и стерегутъ насъ какъ свою добычу. Стада, принадлежащія гарнизону, пасутся всегда подъ прикрытіемъ пѣхоты и артиллеріи, которыя часто имѣютъ сильныя стычки съ Горцами, пытающимися отбивать стада. Хотя это бываетъ такъ же часто, какъ и нападенія на самыя укрѣпленія, однако до-сихъ-поръ не было примѣра, чтобы набѣги вполнѣ удавались Черкесамъ; Горцы всегда терпятъ сильное пораженіе отъ артиллеріи, а потому боятся ее болѣе всякаго другаго оружія, называя пушку длиннымъ ружьемъ.

Горецъ легокъ какъ серна, и трудно угоняться

за нимъ по гористой мѣстности; онъ быстро взбирается на гору, еще быстрѣе сбѣгаетъ съ нея, прыгаетъ черезъ рвы, заряжаетъ въ то же время ружье, стрѣляетъ, опять бѣжитъ; солдатъ теряетъ его изъ виду, и вдругъ падаетъ отъ его пули!

Любопытно видѣть ловкость, съ которою Горцы обираютъ тѣла нашихъ убитыхъ; одна секунда, и на трупѣ нѣтъ ни нитки! Въ горахъ Черкесы сражаются пѣшіе; оружіе у нихъ отлично хорошо, потому что лошадь, шашка и ружье составляютъ все желанія Горца; все пріобрѣтенное имъ употребляетъ онъ на нихъ; и когда разъ желаніе его сбылось, онъ сгараетъ нетерпѣніемъ помѣряться своею шашкою, похвастать мѣткостью пули своей и прыткостью коня!

Иногда являются между Горцами и панцырники; они сражаются конные, на головѣ ихъ шпакъ съ забраломъ, а на груди стальной панцырь подъ чекменемъ. Безпрерывные раздоры между многочисленными племенами Кавказа причиною, что Горцы не могутъ единодушно сопротивляться намъ, и выставить противъ насъ большія силы. Прошли тѣ времена, о которыхъ Плутархъ говоритъ, что «народы Кавказа могли выставять до шестидесяти тысячъ пѣхоты и до двѣнадцати тысячъ конницы, хотя и худо устроенной. Тогда вооруженіе ихъ состояло изъ дротиковъ и стрѣлъ, а «латы, щиты и каски изъ звѣриной кожи.»

Черкесь дорожитъ каждымъ выстрѣломъ; по-

рохъ и свинецъ трудно достаются ему: большую часть снарядовъ и оружіе, они вымѣниваютъ отъ Турковъ; частію же добываютъ это и въ горахъ отъ Чеченцевъ. Впрочемъ, кажется нѣкоторые военные припасы переходятъ къ нимъ и отъ насъ, черезъ Армянъ торгующихъ въ горахъ, и вѣроятно черезъ такъ называемыхъ «мирныхъ Черкесовъ», но конечно не въ большомъ количествѣ (*).

Горцы до того дорожатъ свинцомъ, что послѣ каждого дѣла ищутъ въ деревьяхъ пуль, попавшихъ въ нихъ, и вырѣзываютъ изъ пней ножами. На обратномъ пути нашемъ къ Кубани, мы часто встрѣчали въ лѣсахъ, растущихъ по горамъ, обильные слѣды такой операціи. Пули винтовокъ ихъ вдвое менѣе нашихъ ружейныхъ пуль.

Горцы чрезвычайно сильны: всѣ они высоки, стройны, красивы, имѣютъ гордую осанку, и какой-то дико-воинственный взглядъ. Когда они, бывало, получали отъ насъ тѣла своихъ убитыхъ товарищей, то перевязывали ихъ веревками, перекидывали на лошадь, и легко увозили съ собой.

Таковъ характеръ войны нашей на Кавказѣ, и характеръ непріятеля, съ которымъ мы имѣемъ дѣло.

(*) Все это писано въ 1837 году.

Теперь возвращаюсь къ дальнѣйшимъ дѣйстви-
ямъ отряда.

Тотчасъ по занятіи мѣста на берегу моря, близъ
устья рѣчки Пшады, Генераль Вельяминовъ при-
ступилъ къ разбивкѣ укрѣпленія. Для этого перво-
начально истреблены были всѣ окружные лѣса,
на разстояніи пушечнаго выстрѣла, чтобы тѣмъ
лишить горцевъ возможности скрытно приближаться
къ крѣпости. Жаль было смотрѣть на эти могучіе
дубы, которыхъ сама желѣзная рука времени ша-
дила цѣлыя столѣтія, и кеторые теперь падали
подъ нашею желѣзною сѣкирой! Жаль было уни-
чтожать красивыя рощи серебристой пальмы, рос-
кошныя купы виноградныхъ лозъ, и этотъ при-
вѣтливый плющъ, который такъ ласково обвивалъ
своими молодыми, свѣжими стеблями ветхіе кор-
ни буковъ и вязовъ! Но такова участь войны —
въ пей гибнетъ жизнь для новой жизни! Разбив-
ку укрѣпленія производилъ самъ Генераль Велья-
миновъ, примѣняясь къ мѣстности, которая заста-
вляла часто давать землянымъ валамъ вышины въ
шестнадцать футовъ и болѣе, чтобы тѣмъ *дефи-*
лировать укрѣпленіе отъ близъ-лежащихъ высотъ;
но когда случалось, что и это не обезпечивало
гарнизонъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ съ сосѣд-
нихъ горъ, то строили внутри укрѣпленія высо-
кіе кирпичные брандмауэры.

Іюня шестаго, когда разбивка укрѣпленія была
окончена, праздновали заложеніе его, подъ име-

немъ Новотроицкаго укрѣпленія. Шумно пировали мы этотъ день въ станѣ нашемъ: прежде всего отслужили молебствіе, и въ первый еще разъ имя Спасителя огласилось здѣсь въ горахъ, и эхо осятилось имъ. Громъ пушекъ разнесъ далеко въ ущелья вѣсть, что Русскій здѣсь, и что побѣдоносный орелъ его осѣнилъ широкимъ крыломъ своимъ новое царство.

До десятаго Іюля мы занимались постройкою укрѣпленія. Работу эту исполняли войска подъ надзоромъ саперовъ, которыхъ при отрядѣ было двѣ роты.

Матеріалы для укрѣпленія получались частію на самомъ мѣстѣ, какъ на примѣръ: строевой лѣсъ и солома для кирпичей; послѣдніе дѣлались изъ соломы вмѣстѣ съ глиною, и употреблялись на разныя постройки внутри крѣпости, на внутреннюю одежду брустверовъ, и на бойницы на брустверахъ; прочіе матеріалы, какъ на примѣръ доски, доставлялись моремъ изъ Россіи.

Въ то время когда, поочередно, одна часть войска занималась построеніемъ крѣпости, другая содержала караулы на окружающихъ горахъ, перестрѣливаясь непрерывно съ горцами, пытавшимися отсюду нападать на насъ; третья должна была фуражировать.

Фуражировка заключалась въ томъ, что небольшой отрядъ, — обыкновенно два батальона пѣхоты и четыре орудія артиллеріи, иногда и боль-

ше, — отправлялся въ горы, забравъ съ собою половинную часть лошадей всего отряда; тамъ на-кашивали травы, или засѣянного хлѣба, и на вьюкахъ привозили въ лагерь.

Это было единственное средство къ продовольствію лошадей, кромѣ артиллерійскихъ, которымъ доставляли моремъ овесъ, а иногда и сѣно. Фуражировка обходилась намъ не дешево, потому что горцы, видя уничтоженіе своихъ роскошныхъ нивъ, обработка которыхъ стоила имъ большихъ трудовъ, въ-особенности по покатосямъ крутыхъ горъ, дрались отчаянно. Не знаю, что послѣ насъ осталось горцамъ для зимняго пропитанія. Всѣ хлѣба были выкашиваемы, и всѣ плоды собираемы нами; только стада, угнанныя заблаговременно дальше въ горы, уцѣлѣли отъ разрушеній войны. Невзирая на это, воинственные горцы не хотятъ покориться! Впрочемъ многіе изъ нихъ, прѣзжавшіе къ намъ въ лагерь, говорили, что они и рады бы передаться намъ, но что если другія племена узнаютъ это, то всѣхъ ихъ истребятъ! Этому можно повѣрить, судя по непрерывной враждѣ ихъ между собою, и по воинственности этихъ племенъ. Намъ случалось проходить по ущельямъ, занятымъ аулами и гдѣ однакожь не было ни души, гдѣ насъ не встрѣчалъ ни одинъ выстрѣлъ, и только на вершинахъ самыхъ высокихъ горъ виднѣлись многочисленныя толпы Черкесовъ, хладнокровно смотрѣвшихъ на насъ; ра-

*

зумѣется, что и мы были тогда милостивы къ жилищамъ ихъ, и не трогали ничего. Но случилось также, что каждый шагъ былъ упорно оспариваемъ у насъ, и клочокъ завоеванной земли обходился дорого.

Между-тѣмъ какъ строилось укрѣпленіе и производилась фуражировка, получено было извѣстіе, что два купеческихъ Турецкихъ судна съ военными припасами пристали десятаго Іюля къ Черкесскимъ берегамъ; одинъ баталіонъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка былъ посаженъ на пороходъ и на корабль и отправленъ къ показанному мѣсту. Этотъ небольшой отрядъ, подъ командою полковника С — а, сдѣлалъ удачную высадку, сжегъ Турецкія купеческія суда; но при отступленіи потерпѣлъ большую потерю. Черкесы собрались въ гораздо большемъ числѣ чѣмъ нашъ отрядъ, и съ ожесточеніемъ преслѣдовали отступавшихъ. Солдаты отстрѣливались, стоя по поясъ въ водѣ, пока не подѣхали бомбардирскія лодки для перевозки ихъ на пороходъ. Съ нашей стороны не было никакого мѣстнаго прикрытія, а со стороны непріятеля былъ лѣсъ и курганы, изъ-за которыхъ Черкесы мѣтко пятнали отступавшихъ. Но гдѣ же война безъ потери?

Весела военная бивуачная жизнь! одно только грустно: прощаться съ товарищемъ, который убитъ въ глазахъ вашихъ, слышать послѣдніе погребаль-

ные напѣвы надъ его могилою, и не видѣть роднаго, который пришелъ бы поплакать надъ ней!

Смерть не страшна, страшна мысль разлуки. Явленія смерти величественны, обряды похоронъ трогательны; тутъ не одно настоящее чувство горести стѣсняетъ душу, — нѣтъ, здѣсь соединяются всѣ горькія воспоминанія прошедшаго, и какъ-будто всѣ скорбныя предчувствія, которыя когда-нибудь должны осуществиться... Смотрите, какъ всѣ благовѣютъ передъ смертію. Смотрите на тѣла убитыхъ воиновъ: — это простые солдаты, но какъ величественно молчаніе вокругъ нихъ! Какое благоговѣніе во всѣхъ окружающихъ, и какое чудное спокойствіе на лицахъ умершихъ!... Не то же ли торжественное благоговѣніе является здѣсь, передъ прахомъ почти послѣдняго изъ людей міра, какъ и въ чертогахъ, передъ прахомъ владыки?... Люди спускаются одинаково на послѣднюю степень вещественнаго міра, и разности мірскаго значенія сравниваются въ духовномъ.

Такія мысли часто приходятъ въ голову, когда надъ головой открытое небо, а подъ ногами раскрытая могила, и въ нее опущенъ гробъ; но грустные мысли скоро и исчезаютъ. Въ безпечной прелести военной жизни мы забываемъ все, и счастливы судьбой своей. Любо вспомнить бывшее: наши вечерніе пиры на Кавказѣ, послѣ дневныхъ трудовъ; наши мирныя бесѣды, въ прохладѣ очаровательныхъ почей востока, когда мѣсяцъ чуд-

нымъ своимъ свѣтомъ озаряетъ небо, море, горы и небольшой нашъ станъ, и небольшое наше общество, небрежно раскинувшееся на бивуакахъ на берегу игриво зыблющаго моря. Пріятно вспомнить, какъ звуки нашихъ вечернихъ пѣсень бывало, сливались съ лѣгкими плесками спокойнаго моря, ласкавшаго берега свои, и разносясь по дали его, исчезали, погнавшись за далекимъ эхомъ. Много чувствъ волновало тогда душу: умъ искрился множествомъ мыслей и взаимная передача ихъ другъ другу разнообразила, веселила вечернія бесѣды наши.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ВОСПОМИНАНІЕ О КАВКАЗѢ

1837 ГОДА.

—

IV.

ДАЛЬНѢЙШІЙ ПОХОДЪ. РАЗРАБОТКА ДОРОГИ.—СТЫЧКА СЪ НЕПРІЯТЕ-
ЛЕМЪ.—НОЧЛЕГЪ.—РУССКІЙ СОЛДАТЪ.—РАВЕНІЙ ЧЕРНОМОРЕЦЪ.—ПЕ-
РЕСТРѢЛКА.—ХАРАКТЕРЪ СТРАВЫ.—ЗАНЯТІЕ МѢСТА НА ВУЛАНѢ.

Десятаго Іюля работы Новотроицкаго укрѣпле-
нія были окончены, или почти кончены: остава-
лась только небольшая внутренняя отдѣлка, и по-
строеніе казармъ. Какъ эта работа могла теперь
производиться подъ прикрытіемъ валовъ укрѣпле-
нія, то генералъ Вельяминовъ рѣшился идти даль-
ше, для занятія другаго пункта на берегу моря,
оставивъ здѣсь небольшой отрядъ, который рас-
положился лагеремъ вокругъ крѣпости, обезопа-

сивъ себя отъ нечаянныхъ нападеній Горцевъ, довольно высокою засѣкою.

Какъ ни прекрасно было мѣстоположеніе у Пшады, и какъ ни часты были фуражировки наши, занимавшія насъ порядочными стычками съ непріятелемъ, но все это наконецъ прискучило и мы радовались, что выступаемъ въ дальнѣйшій походъ, не обѣщавшій впрочемъ ничего новаго.

И такъ одиннадцатаго Іюля, утромъ, мы снялись съ лагеря, отрядъ потянулся по ущелью, — и скоро вновь воздвигнутое нами укрѣпленіе, скрылось за горою...

Походъ нашъ былъ чрезвычайно пріятенъ: что шагъ, то новая картина природы!... Горы зеленѣли то разработанною пашнею, то густымъ лѣсомъ: иногда онѣ возвышались амфитеатромъ, который терялся въ дали, иногда спускались крутыми обрывами.

Виноградныя лозы вились повсюду, плодовые деревья красовались рощами; тутъ были и душистые персики, и ароматная айва, и сливы и яблоки, огромныя деревья грецкихъ орѣховъ, и все это въ величайшимъ изобиліи!... Здѣсь природа щедра въ своихъ дарахъ, и могуча своею силой! Дубы, вязы, тополи и серебристыя пальмы удивляли своею величиной!... Къ этой картинѣ присоединялись прихотливо извивавшіяся рѣчки; быстро скользя между отлогихъ береговъ, онѣ часто какъ-будто отъ испуга прятались подъ густыми

кустами зелени, и потомъ рѣзво выбѣгая, плескались и шумѣли въ красивой своей рамѣ!

Горныя рѣчки обильны рыбою, которою солдаты наши умѣютъ пользоваться въ свое время. Едва, бывало, дадутъ отдыхъ послѣ перехода, какъ является множество удочекъ, закинутыхъ въ рѣчку; и когда отрядъ снова тронется, то часто бывало встрѣтишь въ колоннѣ не одного рыболова съ доброю связкою превкусной рыбы.

Между-тѣмъ зной усиливался, усталость начинала одолевать насъ и мы сучали, что не видимъ непріятеля, однако же непрерывно ожидая засадъ его. Скоро ущелье стало суживаться, горы сдвигались, и на отдаленныхъ возвышеніяхъ появлялись Горцы, то конными, то пѣшими толпами. Хотя мѣстность все еще была прекрасна, но для нашихъ военныхъ дѣйствій она становилась съ каждымъ шагомъ труднѣе и опаснѣе. Боковыя цѣпи стрѣлковъ должны были опять всходить на крутыя горы и, спустившись съ нихъ продираться сквозь густые лѣса по оврагамъ. Все это замедляло походъ нашъ, и мы подвигались очень тихо, пріостанавливаясь изрѣдка, чтобы дать время соединиться растянувшемуся отряду нашему; отъ того-то во весь день мы прошли не болѣе тринадцати верстъ, и остановились для ночлега на весьма тѣсной площадкѣ, сжатой горами и лѣсами, которые мы заняли войскомъ; потому что

непріятельскія пули стали снова насвистывать намъ подъ уши похоронные свои напѣвы.

Ночную тишину тревожили изрѣдка ружейные выстрѣлы по горамъ, а темный воздухъ бороздился непрерывно свѣтлыми перелетными полосами; это были небольшія насѣкомыя, величиною въ полдюйма, въ видѣ маленькихъ черныхъ жучковъ съ крылышками, подъ которыми все туловище горѣло фосфорнымъ свѣтомъ, и такъ ярко, что положивъ такого жучка на книгу, можно было очень удобно читать ее въ совершенной темнотѣ. Часто случалось намъ видѣть деревья и кусты, усѣянные этими насѣкомыми, что въ темнотѣ представляло прекрасное зрѣлище; свѣтъ насѣкомыхъ не прекращался, когда до нихъ дотрогивались, какъ это бываетъ съ фосфоромъ. Умирая, жучки теряли свое свойство свѣтиться.

На другой день намъ предстояло перебраться черезъ высокую гору Суемчейаутль, которая замыкала ущелье наше. Тутъ дороги вовсе не было; узкая тропинка, по которой и верхомъ едва можно было проѣхать, взвивалась на высокій хребетъ вдоль глубокаго оврага, грозно чернѣвшаго внизу. Надобно было разработать дорогу; для этого Генераль Вельяминовъ отрядилъ три баталіона пѣхоты, двѣ роты саперовъ и четыре орудія артиллеріи, опять подъ командою храбраго артиллеріи полковника Б—ра. Онъ двинулся впередъ, но съ перваго шагу непріятель окружилъ его отвсюду,

и мѣткимъ ружейнымъ огнемъ сталъ наносить ему сильный вредъ. Въ лѣсу по узкой тропинкѣ трудно было двигаться артиллеріи; но она была лучшимъ средствомъ для удержанія сильныхъ натисковъ непріятеля, который то стрѣлялъ залпомъ изъ множества ружей, то съ яростью бросался въ рукопашный бой; картечь была гибельна для него.

Каждый шагъ разрабатываемой дороги обошелся намъ не даромъ; но за то мы двигались по землѣ, политой кровью непріятеля, претерпѣвшаго большой уронъ. Распоряженія полковника Б—ра были прекрасны, и скоро главный отрядъ двинулся по кое-какъ продѣланной дорогѣ. Трудно было взбираться на гору: шесть лошадей и пятьдесятъ человѣкъ казаковъ едва тащили наше легкое шести-фунтовое орудіе, и черезъ каждые десять сажень принуждены были отдыхать. Обрывы съ боковъ, пни на дорогѣ, крутые повороты, и большіе камни, затрудняли насъ столько же, какъ и самая крутизна горы.

Съ лѣвой стороны, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла, возвышалась крутая гора, которую слѣдовало занять цѣпью стрѣлковъ; между-тѣмъ непріятель вездѣ упорно сопротивлялся, и по мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, онъ сильнѣе и сильнѣе налеталъ на арріергардъ, бывшій подъ командою Кабардинскаго полка подполковника З—го. По распоряженію генерала Вельяминова, ар-

тиллерія заняла удобныя позиціи по площадкамъ горъ, и удачно обстрѣливала всѣ мѣста, гдѣ непріятель собирался, и ту гору, куда всходила лѣвая наша цѣпь. Тутъ завязалась сильная перестрѣлка въ лѣсу, на горѣ, подъ горою и въ ушеляхъ. Дымъ облакомъ стоялъ между деревьевъ, и эхо пронзительно стонало въ ушеляхъ. Но это мгновеніе было какъ бы послѣднимъ усиленіемъ вражды, послѣднимъ судорожнымъ движеніемъ ея, послѣ котораго все вдругъ затихло... Затихло, но сколько душъ отлетѣло въ небо!... сколько тяжкихъ, страдальческихъ вздоховъ пронеслось мимо насъ!... Глубоко отозвались эти вздохи въ сердцахъ, гдѣ на время замирало состраданіе!

Отдохнувъ на вершинѣ хребта, мы стали спускаться въ долину, которая роскошно разстилалась подъ нами; хлѣба густо волновались на ней: роши темной и свѣтлой зелени живописно рисовались въ разныхъ мѣстахъ. По вершинамъ горъ красовались высокіе кедръ, воздухъ былъ упоительно душистъ; но вокругъ не видно было живаго существа, не видно было человѣка, который могъ бы восхищаться этимъ и довершать собою прелесть всего. Великолѣпная природа, какъ заброшенная сирота, цвѣла и отцвѣла здѣсь въ забытіи.

Между-тѣмъ перестрѣлка, возобновившаяся при спускѣ нашемъ съ горы, начала стихать, и когда мы сошли въ долину, то и совсѣмъ затихла.

Солнце скрылось, и горы разноцвѣтными шатрами волшебнo нарисовались на золотистомъ небѣ; скоро стемнѣло, зажглись костры и бивуакъ былъ занимательно разнообразенъ. Все оживилось. Тамъ кипѣли котлы съ кашей, и вокругъ толпились солдаты, съ улыбкою аппетита ожидая своей порціи; каждое движеніе пробной ложки кашевара, отъ котла къ устамъ его и обратно, сопровождалось десятками вопросительныхъ и просительныхъ взглядовъ. У каждаго въ рукахъ нетерпѣливо вертѣлась деревянная ложка, и зубы оstriлись на черныхъ сухаряхъ, въ ожиданіи каши. Дальше, у другихъ костровъ, шумѣли рассказы весельчаковъ о дневныхъ подвигахъ, курились трубки и чистились ружья; мѣстами у огней кипѣли самовары, суетились деvщики, летали пробки и раздавалось чоканье стакановъ:—тутъ угощали другъ друга офицеры. Любопытство подстрекнуло меня подойти къ одному изъ костровъ, вокругъ котораго собралось человѣкъ десятокъ молодыхъ солдатъ, слушавшихъ рассказы старика товарища.

— Ну, потѣшились, братъ Иванъ, говорилъ старикъ усачъ, молодому рекруту: потѣшились, смотри-ка какъ штыкъ мой разрумянился, словно красная дѣвушка подъ вѣнцомъ.

«Да и я, дядюшка, на силу отчищу свой; а смотри-ка-сь въ стволѣ-то, словно въ трубѣ насѣло сажі.»

— Да и было отчего, признаться, затопили мы

бусурманской ауль на славу! Пускай, проклятые тушатъ!

«Добро бы осталось кому, прибавилъ молодой рекрутъ.»

— А что, братцы, жарко было? сказалъ я подойдя къ солдатамъ.

«Не што, ваше благородіе, теперь небойсь, и бусурманъ узналъ Русскую баньку.»

«Ну, что, Мартыновъ, сколько перебилъ Черкесовъ? сказалъ я, обратясь къ заслуженному ветерану.»

— А кто ихъ знаетъ, ваше благородіе, считать не считалъ, а сердечный-то попритупился, прибавилъ онъ, указывая на штыкъ: да это не впервые, ваше благородіе; точилъ я его и въ Туречинѣ, и подъ Персіявиномъ, да вотъ Господь привелъ послужить и здѣсь батюшкѣ-царю!

«Учи, братъ, учи молодежь мѣняться съ Черкесами пулями, и отнимать у нихъ шашки, да винтовки.»

— Да, ваше благородіе, этотъ парень хоть куда: не уступитъ и нашему брату-старiku; хоть на губахъ-то молоко не обсохло, да за то на штыкъ его рѣдко высохнетъ бусурманская кровь.

— Тревога, братцы, тревога! кричалъ молодой солдатъ, подбѣгая къ костру, гдѣ я стоялъ: каша ушла, каша ушла!

— Къ ложкамъ, ребята! — вскрикнулъ усачъ, и вся толпа бросилась къ костру, гдѣ варился ужинъ.

Кто не восхищался такою веселостью Русскаго солдата? — Среди столькихъ трудовъ, столькихъ непрерывныхъ опасностей, онъ всегда одинаково бодръ и веселъ: усталость не долго мучить его.

Отсюда я пошелъ пересказать все слышанное мною товарищамъ, собравшимся у другаго огня, въ ожиданіи чая.

— Прекрасно, прекрасно! закричали офицеры, выслушавъ меня: пьемъ за здоровье Русскаго солдата! И скоро послѣднія бутылки Кахетинскаго вина были осушены.

«Молчаніе, господа, молчаніе, сказалъ С—въ, подавая шумной молодежи знакъ къ тишинѣ. Мы замѣтно имѣемъ какое-то предубѣжденіе къ Черноморскимъ казакамъ, но выслушайте случай, который, конечно, заставитъ васъ перемѣнить свое мнѣніе.»

— Ну, ну, ораторствуй, милый С—въ: мы готовы слушать тебя.

«Вотъ что случилось, въ одинъ изъ нашихъ переходовъ: я находился въ арріергардѣ, — и было уже поздно, когда отрядъ остановился ночевать; мы, арріергардные, пришли на мѣсто еще позднѣе, и едва расположились на бивуакѣ, какъ урядникъ одного изъ Черноморскихъ пѣшихъ пол-

ковъ явился къ командиру нашему, сказать, что онъ недосчитался шести человѣкъ казаковъ, несшихъ одного раиенаго, и просилъ послать за ними одну роту солдатъ, увѣряя, что казаки отста-ли гдѣ-нибудь недалеко. Просьба урядника была уважена, и я получилъ приказаніе отправиться съ своею ротою отыскивать пропавшихъ. Были уже сумерки, и потому я шелъ очень тихо и осторожно, засылая окликъ изрѣдка или свистомъ, или негромкимъ крикомъ: «казакъ!» «казакъ!» Скоро мы спустились въ глубокое ущелье, и при наступившей темнотѣ съ трудомъ пробирались сквозь густой лѣсъ, часто падая въ овраги, и скатываясь съ крутизны горъ; но при всемъ томъ стараясь сохранить всевозможную тишину. Скоро мы услышали вблизи разговоръ. Опасаясь попасть въ засаду Горцевъ, я приказалъ ротѣ остановиться, подвинулся самъ на нѣсколько шаговъ впередъ, и, вслушиваясь, распозналъ наконецъ слова больного голоса, который говорилъ своимъ Малороссійскимъ нарѣчіемъ: «Оставьте меня братцы; бросьте, да сами спасайтесь. Черкесы близко: заберутъ насъ всѣхъ, и вамъ не оборонить меня; я уже плохой слуга: бѣгите, братцы бѣгите!»

— Нѣтъ, Ганусъ, отвѣчало нѣсколько голосовъ: ужъ умереть такъ вмѣстѣ умремъ, а не покинемъ тебя, бѣднягу. Видно, Божья воля такова братцы, нарвите-ка листьевъ подъ изголовье Гануся.

«Глубокій вздохъ больного былъ единствен-

нымъ отвѣтомъ на великодушіе товарищей. Я же, удостовѣрясь что это были наши пропавшіе казаки, сталъ кричать имъ въ полголоса: «Казакъ!» «казакъ!»

— Ратуйте, когда Бога любите, радостно отозвались мнѣ казаки.

«Скоро мы были возлѣ нихъ. Они сидѣли вокругъ раненаго, покрывъ его своими шинелями, и съ рѣшимостью ждали судьбы своей. Радость ихъ при видѣ насъ выразилась слезами; они плакали, цѣлуя раненаго товарища, лежавшаго на носилкахъ, и долго не могли отвѣчать на мои вопросы: наконецъ одинъ, оправаясь, сказалъ: — Виноваты, ваше благородіе: когда отрядъ спускался вонъ съ той горы, мы хотѣли пройти спокойнѣе и пошли не по дорогѣ, а на прямикъ съ горы, да попали въ оврагъ, и заблудились! Мы кричали, да гдѣ тутъ услыхать! а Ганусъ тяжело раненъ; вотъ мы и остались здѣсь при немъ: не покинуть же было раненаго товарища. —

«Разсказъ этотъ глубоко троцулъ меня, я не отвѣчалъ казакамъ ни слова, но забравъ всѣхъ ихъ съ собой, тотчасъ возвратился на бивуакъ пашъ.»

— Ура! закричали всѣ слушатели С—ва: жаль только, что нечѣмъ выпить во славу Черноморцевъ.

Тутъ разговоръ смѣшался, пошли разсказы, хотя, и всѣ труды протекшаго дня были забыты, а о наступающемъ никто и не думалъ. Удо-

влетворивъ требованіе желудка, бывшаго цѣлый день въ испытаніи, всякій собирался отдыхать. Мало-по-малу все утихло, огни загасли, и ночь торжествовала въ глубокой тишинѣ...

Еще роса обильно покрывала землю, и туманы носились облаками, скрывая горы, или совсѣмъ, или закрывая только вершины ихъ; а въ станѣ нашемъ уже все было на ногахъ, и войска подъ ружьемъ.

Между тѣмъ впереди, по лѣвую сторону ущелья на невысокой цѣпи горъ, покрытой лѣсомъ, собирались непріатели; толпа за толпой появлялись они на возвышеніяхъ, и скрывались въ лѣсу.

Это заставило насъ быть осторожными; силы непріателя казались значительными и видно было, что онъ собрался упорно защищать обширные аулы, расположенные у подошвы горы, на берегу небольшой рѣчки.

Авангардъ двинулся впередъ, имѣя въ цѣпи два легкихъ орудія артиллеріи; за нимъ вытянулся и весь отрядъ. Когда мы прошли версты полторы, ущелье такъ стѣснилось, что надобно было занять лѣвую гору, на которой, какъ мы видѣли прежде, собрался непріатель; безъ этой предосторожности съ нашей стороны онъ могъ бы сильно вредить намъ, прикрываясь лѣсомъ.

Непріатель не допускалъ стрѣлковъ взбираться на гору, поражая ихъ двойнымъ огнемъ изъ лѣсу съ покатости горы, и изъ аула у подошвы ея.

Тогда двумъ легкимъ орудіямъ приказано было выдвинуться впередъ, чтобы обстрѣливать лѣсъ, а одинъ горный единорогъ былъ посланъ на подкрѣпленіе въ цѣпь. Тутъ завязалась упорное дѣло; въ то время, какъ стрѣлки взбирались на гору, баталіонъ пѣхоты съ крикомъ ура! штурмовалъ аулъ, а артиллерія очищала лѣсъ и гору. Скоро густой дымъ отъ зажженнаго аула взвился выше горъ, на которыхъ уже отдыхали усталые побѣдители — Русскіе штыки! Непріятель бросился назадъ, но тамъ былъ встрѣченъ зашедшими ему въ тылъ баталіономъ пѣхоты и двумя орудіями артиллеріи, и вынужденъ скрыться дальше въ горахъ.

Эта дѣло задержало насъ до часу по полудни, и было послѣднимъ на переходѣ нашемъ отъ Пшады къ Вулану, куда мы и прибыли въ тотъ же день, часовъ въ шесть вечера.

По этой дорогѣ намъ встрѣчалось множество обширныхъ ауловъ, хорошо, даже красиво выстроенныхъ; это уже были не простыя мазанки горцевъ, сосѣдей нашихъ у Кубани, но правильно, чисто выстроенныя бревенчатыя избы, гдѣ, впрочемъ, кромѣ скамѣекъ и кое-какой деревянной утвари, мы ничего не нашли. Иногда только въ амбарахъ отыскивали пшеницу въ зернахъ, и кое-гдѣ листовой табакъ. Всѣ покатости горъ, удобныя для хлѣбопашества, были засѣяны просомъ и другими хлѣбами. По долинамъ ущелья

разнообразились огороды, и обильно созрѣвали всякіе плоды и ягоды; между послѣдними въ особенности замѣчателенъ такъ называемый кизиль, крупная, продолговатая, краснаго цвѣта ягода, растущая на высокихъ кустарникахъ; прохладительный, кисловатый вкусъ ея очень пріятенъ.

Разумѣется, что всему этому доставалось отъ насъ не хуже чѣмъ ауламъ; каждое плодовое дерево было точно такъ же штурмовано, имѣя своею единственною и всегда тишетною обороною незрѣлость! Каждый виноградникъ получалъ очень печальную наружность послѣ нашихъ радостныхъ привѣтовъ.

Обиліе здѣшнихъ трудовъ показывало обиліе рукъ, то есть большое народонаселеніе. Въ богатыхъ аулахъ встрѣчались хорошо устроенныя кузницы, и одна изъ нихъ была особенно примѣтельна обширностью своею и тѣмъ, что находилась у подошвы горы, богатой железною рудою. Тутъ устроены были горны, и стояло нѣсколько отличнѣйшихъ, чугунныхъ, большихъ точилъ, что заставляетъ предполагать въ здѣшнихъ Горцахъ знаніе какого нибудь искусства; вѣроятно, они дѣлаютъ оружіе. Къ-сожалѣнію, здѣсь намъ не удалось взять въ плѣнъ ни одного Черкеса, и потому не у кого было спросить о нравахъ и промышленности здѣшнихъ племенъ.

Помню, какъ по-одалъ языческихъ памятниковъ виднѣлись иногда и деревянные кресты. Отрадно

было видѣть въ странѣ варварства этотъ символъ вѣры православной, воздвигнутый рукою Христіанина, и пощаженный рукою язычника, для понятій котораго не многое священно, но священъ прахъ усопшаго, даже врага его — христіанина! Съ другой стороны, грустно было подумать, что этотъ простой, но величавый по мысли, памятникъ стоитъ надъ могилой какого-нибудь плѣнника, а можетъ быть и бѣглеца: до сихъ поръ нога Европейца едва-ли была здѣсь.

Мѣстность на Вуланѣ не очень красива; здѣсь природа какъ-то угрюмѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ мѣстахъ: ущелье, которое мы заняли, не широко, обнесено высокими крутыми горами, съ густымъ лѣсомъ дубовъ, вязовъ и кедровъ; посрединѣ долины небольшое возвышеніе господствуетъ надъ ущельемъ; съ одного конца съ полверсты не доходитъ оно до берега моря, съ другаго тянется далеко въ глубь ущелья, и, понижаясь постепенно, наконецъ сливается съ долиною, замкнутою остроконачными высокими горами. Это возвышеніе было покрыто густымъ мелкимъ кустарникомъ, между которымъ виднѣлся каменный памятникъ, съ деревяннымъ навѣсомъ; мы по необходимости уничтожили его вмѣстѣ съ кустарникомъ и лѣсомъ на долинѣ, когда начали строить укрѣпленіе. По краямъ ущелья текутъ двѣ рѣчки; одна изъ нихъ, Вуланъ, довольно широка и глубока; названія другой не припомню; но она очень не-

значительна. У Вулана, такъ же какъ и у Пшады, почти вовсе нѣтъ бухты; море едва только владеетъ въ берегъ, но какъ тамъ, такъ и здѣсь, устья рѣкъ впадающихъ въ него глубоки, и удобны для пристанища купеческихъ судовъ.

V.

УКРѢПЛЕНІЕ НА ВУДАНѢ. — БУРЯ. — ЗВОЙ. — КЛИМАТЪ.

Лагерь нашъ расположился въ долину по обѣимъ сторонамъ возвышенія, на которомъ предполагалось выстроить укрѣпленіе; окружныя горы заняты были отдѣльными постами, и когда густой лѣсъ на нихъ и на долину былъ срубленъ, двадцать-девятого Іюля, при обычномъ торжествѣ, заложили укрѣпленіе Михайловское. Разбивку его дѣлалъ по прежнему самъ Генералъ Вельяминовъ. Это укрѣпленіе довольно обширно; стоя на возвышеніи, оно командуетъ надъ долиною, и хотя удалено нѣсколько отъ берега моря, но хорошо обстрѣливаетъ его огнемъ артиллеріи. Противъ cadaго изъ двухъ ущелій, Пшадскаго и Джубскаго, на которыя какъ бы развѣтвляется ущелье, теперь занятое нами, укрѣпленіе имѣетъ бастіонъ, сильно вооруженный артиллеріею. Здѣсь предполагалось помѣстить одинъ баталіонъ гарнизона. Изъ укрѣпленія къ рѣчкѣ при подошвѣ возвышенія проведенъ излучинами ходъ, прикрытый на-

сыпями, обороняемыми артиллерією съ валовъ укрѣпленія, для того чтобы гарнизонъ могъ без-опасно пользоваться водою.

Въ верстѣ съ небольшимъ отъ мѣста, гдѣ стро-илось укрѣпленіе и на продолженіи того же воз-вышенія, расположенъ былъ особеннымъ лаге-ремъ баталіонъ пѣхоты и два орудія артиллеріи; онъ составлялъ нашъ охранный передовой постъ, и обвешанный отвсюду высокою застѣкою, обеспечи-валъ отъ нечаянныхъ нападеній Горцевъ, тревожив-шихъ насъ и днемъ и ночью. Но и этотъ лагерь обо-ронялся еще орудіями съ боковыхъ горъ, заня-тыхъ нами. Чтобы отъучить Черкесовъ отъ ноч-ныхъ нападеній, высылали обыкновенно въ су-мерки небольшіе караулы, которые скрытно за-нимали разныя мѣста впереди лагеря; и такимъ образомъ часто случалось, что Горцы, подкрады-ваясь къ намъ ночью, натыкались на эти «секре-ты», и были перестрѣлены и переколоты. Нѣ-сколько такихъ неудачъ значительно укротили дерзость ихъ, и лагерь нашъ былъ уже рѣже тре-вожимъ.

Здѣсь по прежнему, во время построенія крѣ-пости, мы пускались на фуражировки для лоша-дей отряда. По прежнему безпрерывныя стычки днемъ, и частыя перестрѣлки ночью, занимали все наше время.

Въ свободные часы войско занималось ученья-

ми, приготовляясь къ Царскому смотру, котораго всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали.

Такимъ образомъ прошло время до перваго Сентября, когда кончены были работы на укрѣпленіи. Во все это время, погода совершенно благопріятствовала намъ; она была постоянно хороша, за исключеніемъ нѣсколькихъ дождливыхъ дней, необходимыхъ впрочемъ для растительности. Одинъ только разъ жестокая буря нанесла намъ сильный вредъ.

Еще съ утра, въ тотъ день, набѣгали облака; изрѣдка гремѣлъ громъ, и перепадаль крупный дождь. Въ полдень небо задвинулось темными тучами съ какимъ-то мѣднымъ отливомъ: вѣтра еще не было, по море уже всколыхалось, и какъ будто какой-то глухой гулъ носился въ воздухѣ. Скоро однако вѣтеръ взвылъ, море вспѣнилось, застонало, ударилъ громъ, хлынулъ дождь, блеснула молнія, ударъ удвоился, повторился, разнесся по ущельямъ, и новые удары за ударами, нагоняя другъ друга, наполняли воздухъ трескомъ и молніями. Дождь усилился, и казалось, что вмѣстѣ съ крупнымъ градомъ онъ спѣшилъ залить пожары молній. Лѣсъ гнулъся и трещалъ; палатки, то летѣли въ воздухъ, то увлекались рѣками воды, стремившейся съ окружающихъ горъ. Весь лагерь былъ затопленъ, все плыло: и лошади, и палатки, и столы, и балаганы! Люди кричали, суетились,— а вѣтеръ вылъ, море бушевало, гроз-

но вздымая мутныя, черныя волны свои, открывая подъ ними еще чернѣйшія бездны, куда стремились одна за другою змѣистыя молніи. Это была ужасная буря, какой здѣсь никто изъ старыхъ Кавказцевъ и не припомнить! Небольшія рѣчки, которыя за полчаса еще такъ кротко бѣжали между зеленыхъ кустовъ, разлились теперь сажень на пятнадцать, и шипѣли какъ разъяренныя змѣи! Лагерь казался Архипелагомъ, гдѣ на возвышеніяхъ, какъ на малыхъ островкахъ, виднѣлись уцѣлѣвшія палатки, полу-разрушенные зеленые балаганы, и собравшіеся въ пестрыя толпы люди, лошади, верблюды и стада. Буря продолжалась четверть часа, и мгновенно затихла. Облака разошлись, какъ гости послѣ пира; солнце радостно засіяло; но море еще долго шумѣло, долго колыхалось, хотя ни одинъ листокъ на деревѣ уже не шелохнулся — такъ стало спокойно въ воздухѣ!

Бури между горъ быстро наступаютъ и быстро проходятъ. Скоро вода въ рѣкахъ начала спадать и лагерь приходилъ въ порядокъ. Но солнце уже великолѣпно закатилось, спокойно погружаясь въ шумныя волны Чернаго Моря, а ночь застигла насъ еще полу-сухими; еще не всѣ палатки стояли на мѣстахъ, и вообще слѣды бури рѣзко обозначались въ нашемъ лагерьѣ.

Климатъ на Черномъ Морѣ роскошенъ; бываютъ жары, но во все время экспедиціи нашей,

я помню только три или четыре дня нестерпимо знойныхъ. Тогда въ воздухѣ было такъ тихо, такъ спокойно, что все казалось какъ бы мертвымъ: море, какъ будто растопленный, застывшій океанъ золота, не шелохнувшись блестяло на солнцѣ; палящее небо перловымъ куполомъ нависло надъ землею, гдѣ какъ будто все окаменѣло! Никакой вѣтерокъ, никакая птичка не разсѣкали воздуха; и каждый листокъ дерева, преклонясь къ землѣ, какъ бы искалъ укрыться отъ зноя!.. Но такихъ несносныхъ дней было немного; большею частію дневной жаръ освѣжался вѣтромъ или съ горъ или съ моря: а закатъ солнца и мѣсячныя ночи были всегда очаровательны. Бывало, когда солнце скатится въ море свѣтлымъ шаромъ, день какъ будто уснетъ спокойнымъ сномъ праведника, въ выси затеплятся милліоны звѣздъ, и легкій свѣтъ ихъ спустится на землю слабымъ мерцаніемъ, какъ тихое благословеніе небесъ. Величавъ мѣсяцъ, когда всплываетъ онъ надъ широкимъ моремъ. Пространство между небомъ и землею наполняется тогда роскошнымъ его свѣтомъ: море, серебрясь, тихо колеблется; какъ будто старецъ, оно спокойно дышетъ на лонѣ своемъ, и легкія струи, какъ сѣдины, развиваются подъ вѣтромъ, а небо отражается въ глуби его, какъ въ душѣ, величіемъ и покоемъ. Что-то таинственное совершается тогда въ природѣ! Она какъ будто внемлетъ чьему-то голо-

су, какъ будто мыслить и безмолвствуетъ!.. Зато какъ ужасна бываетъ темнота, когда нѣтъ мѣсяца на небѣ! пословица — *ни зги не видно*, выразить это лучше всякаго описанія. Здѣсь нѣтъ нашихъ прекрасныхъ сѣверныхъ ночей, когда заря, неутухая на горизонтѣ, оббѣгаетъ западъ, сѣверъ и востокъ, какъ будто преслѣдуя ночь и не давая ей распахнуть темныя крылья свои надъ сѣверомъ. Въ девять часовъ вечера здѣсь всегда уже темно, и если на небѣ луна не полная, то свѣтъ ея чрезвычайно слабъ, а вся остальная часть тускло, но хорошо виднѣется въ полу-тѣни. Несносно только кваканье тысячи лягушекъ, и разногласное жужжаніе безчисленнаго множества насѣкомыхъ; онѣ какъ-будто ждутъ заката солнца и съ сумерками начинаютъ свои нестерпимые концерты! Вообще здѣсь ихъ ужасно много, встрѣчаются даже и тарантулы; но въ особенности много небольшихъ змѣй (нѣсколько длиннѣе аршина) и черепахъ; изъ послѣднихъ мы пробовали иногда варить супъ, но онъ былъ очень не хорошъ, благодаря или безвкуснымъ черепахамъ, или безыскуснымъ поварамъ.

Изъ Вуланъ былъ также посланъ небольшой десантъ, сжечь одно изъ Турецкихъ судовъ, приставшее къ Черкесскимъ берегамъ; экспедиція выполнена удачно и весь грузъ, изъ оружія и разной рухляди, потопленъ.

До втораго Сентября, однообразно текли день

за днемъ. Фуражировки, а въ отплату за нихъ нападенія Горцевъ на лагерь нашъ, не переставали. Съ каждымъ днемъ крѣпостные валы возвышались, и мы радостно видѣли приближеніе конца нашихъ трудовъ. Купанье въ морѣ, и полковая музыка по вечерамъ, составляли все наше развлеченіе, и когда наконецъ перваго Сентября всѣ палатки были сняты, всѣ балаганы разрушены, мы праздновали послѣдній вечеръ бивуаковъ на Вуланѣ: подъ открытымъ небомъ громкія пѣсни веселили души наши, огромные костры по горамъ утѣшали глаза, и было уже поздно, когда все затихло, все уснуло, въ ожиданіи завтрашняго похода обратно въ Геленджикъ.

VI.

ВОЗВРАЩЕНІЕ КЪ ПШАДУ. — СТЫЧКИ СЪ ИМПРІЯТЛЕМЪ. — ПОЖАРЫ. — БИВУАКЪ. — КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ. — СМЕРТОНОСНАЯ ГОРА.

Заря едва лишь занималась, мѣсяцъ только что сталъ блѣднѣть, и звѣзды, какъ бы въ испугѣ, спѣшили прятаться въ какой то чудный полусвѣтъ, какъ громкіе барабаны разбудили насъ, и черезъ полчаса длинный строй солдатовъ тянулся уже по горамъ справа и слѣва, а ущелье покрылось колоннами войска и множествомъ вьюковъ. Версты три мы шли мирно, и почти ни одинъ выстрѣлъ Горцевъ не тревожилъ насъ; но когда стали поворачивать на лѣво по узкой, неу-

добной дорогѣ, обрывавшейся въ рѣчку, за которою въ переднемъ планѣ возвышались небольшія горки, покрытыя кустарниками, то здѣсь Горцы ждали насъ въ засадѣ, и здѣсь началась продолжительная и сильная перестрѣлка, съ которою мы шли до самаго перевала Суюмчейуатль. По мѣрѣ движенія отряда впередъ, вся сила непріятеля обращалась, какъ всегда, на арріергардъ, прикрывавшій наше отступленіе; тамъ находился баталіонъ храбраго Кабардинскаго егерскаго полка. Изъ за кустовъ Черкесы бросались на него въ шашки; ихъ встрѣчали штыки; изъ овраговъ сыпались на насъ сильные залпы; по тѣмъ же штыки выгоняли оттуда Горцевъ, а ядра и картечь провозжали ихъ дальше въ горы.

Лѣвая цѣпь шла спокойно; только изрѣдка раздавшійся выстрѣлъ замиралъ въ боковомъ пустомъ ущельѣ, и пуля, просвиставъ между деревьями, обрывала зеленые листья дубовъ и серебристыхъ пальмъ, единственныхъ своихъ жертвъ; иногда же испуганный орелъ, шумнымъ взмахомъ крыла отвѣчалъ на визгъ пули. Все это не мѣшало однако любоваться изрѣдка прелестію мѣстъ, по которымъ мы шли; они были уже знакомы намъ; но горы такъ расположены, что съ каждою перемѣною мѣста, являются въ новомъ видѣ.

Мы шли, а за нами возникали пожары; густой дымъ, взвившись высоко столбомъ, распадался въ широкіе снопы, падавшіе на темя велика-

новъ горъ: тамъ пылали зажженные нами аулы. Страшно было взглянуть назадъ! Далеко чернѣлъ густой дымъ, обвивая и поглощая горы; пламя, прорѣзаясь сквозь него, сверкало огненными молніями, въ дыму мелькали ружейные и пушечные выстрѣлы, а въ ущельяхъ раздавался гулъ и трескъ.

Когда мы подошли къ перевалу Суемчейуатль, то вся перестрѣлка, всѣ атаки Горцевъ обратились на лѣвую цѣпь стрѣлковъ. Тутъ мы стали взбираться по знакомой намъ узкой, крутой тропинкѣ на высокую гору. Черкесы встрѣтили насъ однимъ залпомъ изъ сотни ружей, и болѣе не оборонялись: они, кажется, рады были дать намъ спуститься скорѣе за гору.

Трудность подъема увеличилась носилками раненыхъ, и потому мы шли тихо, а арріергардъ между тѣмъ оборонялся отъ упорныхъ нападеній непріятеля. Съ горы виднѣлась далекая равнина, гдѣ предполагался нашъ ночлегъ, а когда мы сошли внизъ на площадку и остановились на время, чтобы стянуть отрядъ, солнце уже спускалось за горы, набрасывая на нихъ пурпуровый и фіолетовый отблескъ: небо пышно золотилось. Скоро небольшая площадка покрылась ранеными, которыхъ несли на носилкахъ, сплетенныхъ изъ вѣтвей. Тускло отражался въ мутныхъ взорахъ страдальцевъ блестящій закатъ солнца! И для сколькихъ изъ нихъ это солнце закатилось въ по-

слѣдній разъ! За зарей его унесся и послѣдній вздохъ жизни, увѣнчанный побѣднымъ вѣнкомъ!

Черезъ полчаса отрядъ потянулся по широкому ущелью, съ боковъ котораго у подошвы горъ красовались въ густыхъ рошахъ обширные аулы; одна минута и эти аулы превратились въ огненные стѣны, а скоро и въ пепелъ! Зрѣлище было великолѣпно: багровое зарево пожара спорило съ золотымъ заревомъ заката солнца, и съ серебристымъ отсвѣтомъ запада, гдѣ уже всплывалъ полный мѣсяцъ! Три свѣта, соединясь въ одинъ, невыразимый, набрасывали на предметы какой-то волшебный колоритъ, съ которымъ насъ еще не ознакомилъ ни одинъ живописецъ!

Скоро одинъ только голубоватый свѣтъ мѣсяца уныло указывалъ намъ путь! Зарево еще алѣло; но Черкесскіе выстрѣлы уже смолкли и мы остановились ночевать при поворотѣ въ Пшадское ущелье.

Бивуакъ при полномъ лунномъ свѣтѣ, это что-то необыкновенное. Чудесно было между высокихъ горъ это широкое поле, усѣянное людьми, палатками и кострами, надъ которыми вился дымъ, и переливался нѣжный свѣтъ луны! Какая противоположность между этою суетою, движеніемъ и говоромъ здѣсь на землѣ, въ глубокомъ ущельѣ, — и тѣмъ торжественнымъ безмолвіемъ, которое господствовало на высотѣ небесъ. Внизу рисовалась вся наша бурная земная жизнь, а тамъ, въ вы-

си—все тихое блаженство міра духовнаго! Душа удрученная земною скорбію, съ благоговѣніемъ возносилаь туда!...

На другой день, третьяго Сентября, рано утромъ, мы двинулись дальше. День былъ жаркій, солнце грѣло насъ сверху, а пожары съ боковъ. Черкесы нападали рѣдко, и этотъ переходъ былъ для насъ прогулкою по прекрасному саду, гдѣ плоды были пріятною прохладою отъ сильного дневнаго зноя. Въ три часа пополудни мы были у нашей крѣпости, на Пшадѣ, гдѣ оставался небольшой отрядъ для окончательной отдѣлки крѣпости; теперь надобно было взять этотъ отрядъ съ собою, и чтобъ дать ему время собраться, мы остановились здѣсь на дневку.

Пятаго Сентября предполагалось выступить въ дальнѣйшій походъ: но несчастный случай на морѣ, у береговъ Пшады, задержалъ насъ.

Еще наканунѣ пошелъ дождь и поднялся сильный вѣтеръ; къ вечеру мы уже совершенно промокли, и на бивуакѣ нашемъ огни едва-едва могли горѣть, слабо обогрѣвая насъ, вымокшихъ и продрогшихъ. Ночью съ четвертаго на пятое число, вѣтеръ усилился, поднялся ужасный ураганъ и море застонало! Близъ берега стоялъ купеческій корабль и пароходъ; послѣдній успѣлъ уйти въ море; но первому это не удалось и онъ дер-

жался на якоряхъ, которые безпрестанно срывало. Наконецъ всѣ канаты якорей были порваны, и тогда шкиперъ рѣшился попытаться уйти въ море; но едва одинъ парусъ былъ поднять, какъ сильный шквалъ рванулъ корабль и волны помчали его къ берегу. Гибель неизбежна, а помощи ждать неоткуда; была уже полночь и ужасная тьма только изрѣдка прорѣзывалась какимъ-нибудь лучомъ мѣсяца, украдкой проскользавшимъ между черныхъ тучъ. Дождь ливня лилъ, затушая огни, кое-гдѣ искрившіяся въ караулахъ; на бивуакѣ всѣ спали или дрегли, промокли до костей.

Но вдругъ въ одно изъ тѣхъ мгновений тишины, которыя иногда во время бури минутно настаютъ и минутно исчезаютъ, когда одинъ шумный порывъ вѣтра нагнавъ другой, — отразится, и замолкнетъ, какъ великанъ изумленный внезапною преградой, въ одно изъ такихъ мгновений раздался пушечный выстрѣлъ на морѣ и послышался звонъ колокола: все встрепенулось въ лагерьъ и черезъ минуту баталіонъ пѣхоты спасалъ уже утопавшихъ. Корабль несло къ берегу съ неимоверною быстротою: то вскидывало его на пѣнящіеся валы, то бросало въ глубь, и часто видѣлись одни только верхи мачтъ, и слышались вопли погибавшихъ. Сильный порывъ вѣтра сорвалъ кормчаго и сбросилъ въ море. Вдругъ вспѣнившаяся громада воды взвилась къ верху,

поднявъ высоко на хребтѣ своемъ корабль—и со стономъ рухнула! Корабль выкинутый на мель, судорожно бился, подмываемый волнами, хлеставшими черезъ него! Отчаянные вопли: «спасите! спасите!» плачевно неслись съ корабля и несчастные простирали руки и къ небу и къ людямъ! Но небо задвинулось черными тучами, а люди были безсильны подать помощь: корабль былъ еще далекъ отъ берега! Блеснувши мгновенно, мѣсяцъ печально освѣтилъ эту ужасную картину и, какъ бы испугавшись, скрылся снова въ облакахъ; вѣтеръ взвылъ еще сильнѣе, и новая волна обрушась на корабль затопила несчастныхъ. Вопли ихъ стихли!... Но тутъ судно придвинуло волнами ближе къ берегу и помощь была уже возможна: успѣли прицѣпить канаты, и почти всѣ пассажиры были спасены.

То же случилось и съ другимъ кораблемъ, шедшимъ мимо, и занесеннымъ сюда бурей. Хорошо что эти берега были уже заняты нами: въ противномъ случаѣ, если бы корабли и спаслись отъ гибели въ морѣ, то не спаслись бы отъ хищныхъ рукъ Горцевъ. На утро разгрузили разбитыя суда и разобрали ихъ на дрова, что задержало насъ цѣлые сутки, такъ, что мы выступили изъ Ишады уже шестаго Сентября утромъ.

Этотъ переходъ былъ несносенъ: дождь, не переставая ни на минуту, промочилъ насъ до костей; перестрѣлки почти не было, и мѣстоположе-

ніе было скучно однообразно; на горы нависли дождевыя облака, а ущелія наполнялись мглою. Въ шесть часовъ вечера мы остановились ночевать, и заря слѣдующаго дня встрѣтила насъ съ веселою улыбкою, обѣщавшею прекрасный день. Это было необходимо намъ, чтобы обсохнуть и легче перебраться черезъ высокій перевалъ Вуордовіе. Мы опять увидѣли здѣшнюю дикую природу, опять проходили между сдвинувшихся громадъ; и любовались чудною горою, которая носитъ названіе «Смертоносной Горы» и рисуется высоко на небѣ своею грозною, мохнатою вершиною.

На-завтра мы радостно увидѣли Геленджикъ, и расположились лагеремъ вблизи отъ него.

VII.

ЛАГЕРЬ ПОДЪ ГЕЛЕНДЖИКОМЪ. — ВОЗВРАЩЕНІЕ ЗА КУБАНЬ.

Между тѣмъ поднялся ужасный, холодный вѣтеръ съ горъ. Шестеро сутокъ сряду дулъ онъ съ неимовѣрною силою: всѣ палатки въ лагерѣ были сорваны и мы жили подъ открытымъ небомъ, при сильномъ холодѣ. Нельзя было разводить огней, чтобы варить пищу, нельзя было держаться на ногахъ и ходить безъ палки: вѣтеръ валилъ съ ногъ и при неосторожности могъ бы увлечь въ море, а оно такъ сильно, такъ грозно пѣнилось и волновалось! Даже въ самой крѣпости не было возможности топить печей: вѣтеръ не выпускалъ дыма изъ

трубъ и тушилъ огонь. Такимъ образомъ мы всѣ постились и дрогли. Оставалось одно средство: разводить огонь у самой подошвы высокихъ горъ передъ моремъ и, конечно, кто могъ, тотъ пользовался этимъ.

Двадцать-перваго Сентября случилось непріятное происшествіе: вдругъ загорѣлся Геленджикъ, и несмотря на всѣ усилія войскъ утушить пожаръ, вся сторона лежащая у моря, выгорѣла до тла.

Черезъ два дня мы выступили изъ Геленджика къ Кубани. Скучная заря встрѣтила насъ въ тотъ день; густой туманъ стоялъ надъ лагеремъ, надъ моремъ, и горами. Хотя мы шли теперь на родину, домой, но какъ-то грустно было проститься съ здѣшнею красавицей природой! И кто же изъ насъ не полюбилъ ее? въ какой душѣ она не пробуждала высокихъ чувствъ, высокихъ мыслей? Кто безъ восторга встрѣчалъ ее, и безъ сожалѣнія разставался съ нею? Она всегда питаетъ душу, какъ вѣра питаетъ Христіанина! Она—храмъ міра, гдѣ славится Господь!

Пасмурно было при нашемъ пробужденіи, и только на одно мгновеніе раздвинулись туманы, солнце блеснуло надъ высокою горою, и золотой лучъ его скользнулъ въ безпредѣльность моря. Это была минутная улыбка, снова скрывшаяся подъ густыми завѣсами облаковъ, нависшихъ на темя горъ.

Было чудно тихо на морѣ; оно гладко синѣло вблизи и угрюмо чернѣло вдали, отражая въ себѣ темное небо.

Тутъ далеко бѣлѣлъ одинокій парусъ, какъ отшельникъ въ пустынѣ, и вокругъ него все было мрачно, безжизненно, молчаливо... Тихо, тихо колыхался онъ, какъ-будто манилъ къ себѣ, въ свой обмачиво мирный пріютъ. А здѣсь, вблизи, поверхъ темной глади морской, рѣяли бѣлыя чайки; то высоко взвивались онѣ, то быстро спускались и коснувшись воды серебрянымъ крыломъ своимъ, отлетали далеко и только круги на водѣ красиво разбѣгались и исчезали. Надъ горами тихо плыли облака, по одному пути съ нами, и широкая радуга, спустившись съ нихъ, однимъ концомъ упиралась въ море.

Сколько чувствъ волновало душу, сколько мыслей толпилось въ головѣ! Казалось, въ этой картинѣ природы я читалъ всю жизнь, все бывшее и все грядущее...

Таково было прощаніе наше съ Чернымъ Моремъ. Мы еще разъ взглянули на него съ вершины горы Нако, куда пришли вечеромъ того же дня. О! тутъ оно было великолѣпно въ безпредѣльности своей, ослѣпительно въ блескѣ солнца, спускавшагося въ него золотымъ питомъ, которымъ какъ будто задвигался день!

«Прощай, свободная стихія!

Въ послѣдній разъ передо мной

Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой!

Поздно ночью, спустившись за гору Нако, остановились мы на бивуакѣ. Здѣсь природа также уже почуяла врага своего—осень. Деревья желтели и воздухъ былъ уже не тотъ, и небо не такъ ясно; но здѣсь тѣмъ и кончится; суровыхъ зимъ тутъ нѣтъ, и осень почти то же лѣто, только безъ яркой зелени, да и та не совершенно исчезаетъ на поляхъ.

Во весь походъ отъ Геленджика до Кубани, непріятель вовсе не беспокоилъ насъ. Изрѣдка только Черкесы показывались за нами, занимая насъ удалствомъ своимъ; это были такъ-называемые джигиты, то есть, удалые наѣзтники; изрѣдка они пускали вслѣдъ намъ прощальныя пули, мы отвѣчали имъ тѣмъ же; но, кажется, съ обѣихъ сторонъ это дѣлалось только изъ удалства.

За то во всю дорогу гремѣли пѣсни и бубны, и все радовалось возвращенію домой.

Переночевавъ двадцать-девятого Сентября у Кубани, возлѣ Ольгинскаго укрѣпленія, тридцатаго, при барабанномъ боѣ и музыкѣ, войска перешли черезъ мостъ на Кубани и разошлись по квартирамъ, съ воспоминаніемъ подвиговъ своихъ на восточныхъ берегахъ Эвксинскаго Понта.